

Сознаніе.

Въ эмпирической психологіи мы имѣемъ передъ собою цѣлый міръ явленій, строго подчиненный извѣстнымъ законамъ, но допускающій безконечныя сочетанія

¹⁾ *Elementa physiologiae corporis humani*. T. V, p. 579 sq. (1779).

и могущій представить намъ безпредѣльное поприще для изученія. Но, если мы желаемъ изслѣдовать основныя понятія нашего предмета, мы должны помнить, что этотъ міръ данъ намъ подѣ условіемъ; и слѣдовательно, должны вносить это условіе въ наше понятіе о немъ. Психическія явленія только тогда могутъ быть получаемы, какъ нѣчто объективное, когда они нами объективированы, то есть, отличены нами отъ насъ самихъ, приняты за нѣчто независимое, и какъ бы даже противоположное нашему я. Условіе состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что предполагается постоянное различіе между объектомъ и субъектомъ, что каждое психическое явленіе, принятое за объектъ, требуетъ для себя нашего я, какъ субъекта.

Всякая мысль, всякое чувство, или желаніе возможны только подѣ условіемъ нѣкотораго я, которое мыслить эту мысль, чувствуетъ это чувство, желаетъ этимъ желаніемъ. Самая существенная черта психическихъ явленій заключается въ этомъ удивительномъ раздвоеніи каждаго изъ нихъ на субъектъ и объектъ. Это раздвоеніе мы называемъ *сознаніемъ*, и признаемъ обыкновенно, что всякое психическое явленіе сопровождается сознаніемъ. Такъ говоритъ и Декартъ въ параграфѣ 9-мъ: „Подѣ именемъ мышленія я разумѣю все, что совершается въ насъ, когда мы сознаемъ себя и на сколько въ насъ есть сознаніе этого совершающагося“.

Итакъ, съ психическимъ міромъ нераздѣльно связанъ его субъектъ, его я. Понятіе объ этомъ субъектѣ легко получается, какъ выводъ изъ предыдущихъ положеній. Если мы отличаемъ себя отъ нашихъ собственныхъ мыслей, чувствъ и желаній, то значить, въ нашемъ я мы

не должны предполагать ничего, что открываемъ въ своей душѣ внутреннимъ наблюдениемъ; въ немъ нѣтъ ни разнообразія, ни перемѣнъ, ни частей, ни послѣдовательности, ни связей и законовъ, словомъ—ничего такого, что мы могли бы объективировать. Это есть уже чистый субъектъ, который поэтому опредѣляется лишь отрицательными чертами, своею недоступностію для познания (такъ какъ всякое познаніе есть объективированіе).

Поэтому мы говоримъ: наше я есть нѣчто, ничего въ себѣ не содержащее, никакой множественности не представляющее, никакихъ перемѣнъ не имѣющее, то-есть, всегда единое и всегда неизмѣнное,—монада, неподвижная центральная точка психическаго міра. Не нужно обманываться формами языка, который все обращаетъ въ положительное и имѣетъ лишь скудныя формы отрицанія. Въ нашемъ я передъ нами является нѣчто, по истинѣ недоступное нашей мысли и рѣчи. Чтобы понять это, нужно лишь твердо держаться того положенія, что это—*субъектъ, который никакъ и никогда не можетъ стать объектомъ*. Слѣдовательно, если мы вздумаемъ мыслить и говорить о немъ нашими обыкновенными приемами, мы заранѣе должны знать, что только дѣлаемъ ошибку, только путаемъ понятія.

Указаніе и разъясненіе подобной путаницы можно, между прочимъ, употребить, какъ хорошее средство, чтобъ отрицательно установить понятіе, къ которому нельзя подойти съ положительной стороны.

По неудержимой склонности къ объективированію, мы подводимъ наше я подъ обыкновенныя категоріи страданія и дѣйствія; но тогда получаютъ у насъ удвоенія,

которыя. если ихъ понять буквально. окажутся совершенно лишними и въ сущности бессмысленными. Напримѣръ, часто говорятъ: я мыслю свою мысль, я чувствую свое чувство, я сознаю свое я. Тутъ мы приписываемъ я дѣятельность, которая направлена на его собственную дѣятельность, и притомъ совершенно такая же, какъ и та, на которую она направлена. Еслибъ это было возможно, то подобный процессъ могъ бы повторяться еще и еще, и нельзя было бы найти никакого предѣла этому усложненію. Въ дѣйствительности, конечно, этого не бываетъ, и обманъ происходитъ лишь отъ того, что мы изъ своего я дѣлаемъ мнимый объектъ и начинаемъ обращаться съ нимъ, какъ съ однимъ изъ объектовъ, пока не убѣдимся, что изъ этого ничего не выходитъ и не можетъ выйти.

Эта ошибка вообще не ведетъ ни къ чему, кромѣ страннаго чувства неразрѣшимой путаницы, и потому можетъ считаться безвредною. Точно такъ безвредны и всѣ тѣ выраженія объ я, въ которыхъ оно является дѣйствующимъ, одареннымъ опредѣленными силами и способностями; нужно только при этомъ не придавать рѣчи ея буквального смысла, какъ мы не придаемъ и во множествѣ другихъ случаевъ. Нашъ языкъ вообще переполненъ несобственными словами и оборотами, и обходиться безъ нихъ невозможно, да и незачѣмъ, какъ скоро мы знаемъ, что слова лишь *означаютъ* мысль, а не составляютъ ея соразмѣрнаго выраженія. Всѣ явленія нашего психическаго міра можно относить къ нашему я, какъ его принадлежности или проявленія; но нужно помнить при этомъ, что само оно нисколько не входитъ

въ нихъ и, давая имъ извѣстнаго рода бытіе, само этому бытію ни мало не причастно.

VI.

Я эмпирической психологіи.

Всего любопытнѣе и важнѣе та ошибка, въ которую въ этомъ случаѣ впадетъ эмпирическая психологія. Она подводитъ я подъ то понятіе, подъ которымъ разсматриваетъ всѣ другія изслѣдуемая ею явленія. Слѣдовательно, для нея я будетъ одно изъ нашихъ объективированныхъ психическихъ явленій, будетъ нѣкоторымъ представленіемъ, одною изъ *идей*, по терминологіи Локка. Совершенно такъ, какъ и относительно другихъ *идей*, она изслѣдуетъ условія и обстоятельства происхожденія этой *идеи*. Постоянное тожество нашего я съ самимъ собою она объясняетъ точно такъ, какъ тожество, признаваемое нами въ какихъ-нибудь другихъ представленіяхъ. Но понятно, что за его неизмѣнность и единство она ручаться не можетъ, и потому готова признать въ немъ перемѣны, и готова допустить его множественность, то есть, предположить, что въ человѣческой душѣ могутъ существовать разомъ нѣсколько такихъ представленій, нѣсколько я. Какъ ни странно слышать такое предположеніе, но, безъ сомнѣнія, оно совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ точки зрѣнія эмпирической психологіи. Какъ представленіе, положимъ, извѣстной книги всегда тожественно само съ собою, и это не мѣшаетъ намъ однако-жъ имѣть представленія другихъ книгъ,

тоже съ собою тождественныя, такъ и представленіе одного нашего я не мѣшаетъ существовать въ насъ представленіямъ другихъ нашихъ же я.

Въ послѣднее время психологи-эмпирики не только вывели и высказали это заключеніе, но стали даже утверждать, что оно доказывается опытомъ, именно наблюденіями надъ нѣкоторыми душевно-больными. Такъ Тэнъ (H. Taine) ссылается на наблюденія, сдѣланныя докторомъ Кришаберомъ, который описалъ 38 случаевъ особенной болѣзни (névropathie cerebro-cardiaque)¹⁾, представляющей странныя уклоненія отъ обыкновенной формы сознанія своего я. Тэнъ совѣщался съ самимъ докторомъ, изучалъ журналы больныхъ, спрашивалъ даже одного изъ выздоровѣвшихъ больныхъ и пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„Почти всѣ больные употребляютъ одинаковыя выраженія; напримѣръ, одинъ говорилъ: *Я чувствовалъ себя такъ вполне перемѣнившимся, что мнѣ казалось, я сталъ кѣмъ-то другимъ; эта мысль постоянно преслѣдовала меня, хотя я ни на минуту не забывалъ, что она обманлива.* Другіе говорили: *Иногда мнѣ казалось, что я не я самъ, или же я чувствовалъ, что постоянно ирежу.* Или: *Я сомнѣвался въ своемъ собственномъ существованіи, и были минуты, когда я переставалъ въ него вѣрить.* И т. д.“

„Д-ръ Кришаберъ и выздоровѣвшій больной № 38 идутъ даже дальше; они полагаютъ, что больные не оши-

¹⁾ De la Névropathie cerebro-cardiaque par le Dr. Krishaber. Paris. 1873.

„баются, когда думаютъ, что стали кѣмъ-то другимъ. *Не*
 „*только*, говорилъ этотъ выздоровѣвшій, — *мнѣ* казалось,
 „*что я былъ кѣмъ-то другимъ, но я и дѣйствительно*
 „*былъ другимъ: другое я заступило мѣсто моего перваго*
 „*я. И въ самомъ дѣлѣ, составныя ощущенія его я стали*
 „*другія, а слѣдовательно, и его вкусы, желанія. способ-*
 „*ности, все стало другое. Такимъ образомъ я, нравствен-*
 „*ная личность, есть нѣкоторое произведеніе, котораго пер-*
 „*воначальные факторы суть ощущенія, и это произведе-*
 „*ніе, разсматриваемое въ различные моменты, бываетъ*
 „*не одно и то же, и вѣжется однимъ и тѣмъ же только*
 „*потому, что составныя ощущенія остаются все тѣ же.*
 „*Если же вдругъ эти ощущенія станутъ другими, то и*
 „*оно станетъ другимъ и явится самому себѣ кѣмъ-то*
 „*другимъ. Тутъ опытъ подтверждаетъ теорію. Въ самомъ*
 „*дѣлѣ, по словамъ доктора Кришбаера, — то особенное*
 „*болѣзненное состояніе, вслѣдствіе котораго больной те-*
 „*рѣяетъ до нѣкоторой степени чувство своей собственной*
 „*личности, проходитъ только тогда, когда исчезаютъ тѣ*
 „*извращенія ощущеній, съ которыми связано это состоя-*
 „*ніе. По моему мнѣнію, это вполне рѣшаетъ дѣло, и я*
 „*нахожу, что небольшой рассказъ, который прочли чи-*
 „*татели, болѣе поучителенъ, чѣмъ цѣлый томъ метафи-*
 „*зики объ субстанціи нашего я“* ¹⁾.

Тѣмъ очевидно хочетъ признать, вмѣстѣ съ болѣннымъ № 38, что второе я по существу своему было совершенно такое же. той же природы и того же достоин-

¹⁾ *Revue philosophique* 1876. T. I, p. 294 (Sur les éléments et sur la formation de l'idée de moi. II. Taine).

ства, какъ и первое я. Второе я было произведеніемъ новыхъ ощущеній, точно также, какъ первое я — произведеніемъ старыхъ. Но, такъ какъ это первое я не исчезало совершенно, то оказывается, что въ этомъ не дѣлимомъ было разомъ два я, старое и новое, для чего. по теоріи эмпирической психологіи, нѣтъ никакой помѣхи, ибо въ душѣ могутъ существовать не только два, но многія различныя произведенія различныхъ рядовъ ощущеній. Одинъ больной рассказывалъ мнѣ, на примѣръ, что въ припадкѣ болѣзни онъ чувствовалъ себя раздѣленнымъ на *восемь* недѣлимыхъ.

Но легко видѣть, что всѣ эти фантазіи о нѣсколькихъ я въ одномъ человѣкѣ рушатся, какъ скоро не доказано, что эти я совершенно однородны между собою. Хотя больной д-ра Кришабера и говорилъ ему, что новое я *заступило мѣсто старое*, но ясно, что оно не вполне заступало это мѣсто, такъ какъ старое я замѣчало его нашествіе и, будучи принуждено уступить ему мѣсто, откуда-то изъ угла наблюдало за нимъ. Другой больнои очень хорошо описываетъ эту борьбу, показывающую всю разницу между двумя я:

„Мнѣ казалось, что я дѣйствовалъ по постороннему „для меня побужденію, автоматически. Иногда я спрашивалъ самъ себя, что я буду дѣлать, и присутствовалъ, „какъ безучастный зритель, при своихъ движеніяхъ, своихъ словахъ, при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Во мнѣ было новое существо, и рядомъ съ нимъ другая часть меня самаго, старое существо, не принимавшее никакого „участія въ новомъ. Помню очень ясно, что я иногда „говорилъ себѣ, что страданія этого новаго существа для

„меня безразличны... Никогда, однакоже, я не былъ дѣй-
„ствительно обманутъ этими иллюзіями; но умъ мой ча-
„сто уставалъ непрерывно исправлять новыя ощущенія,
„и я пускался жить несчастною жизнью этого новаго
„существа. Я горячо желалъ вновь увидѣть свой старый
„міръ, снова стать своимъ старымъ я; это-то желаніе
„помѣшало мнѣ стать самоубійцею. Я былъ кѣмъ-то
„другимъ, и я ненавидѣлъ и презиралъ этого другаго, онъ
„былъ мнѣ безконечно противенъ; несомнѣнно было, что
„кто-то другой принялъ мою форму и взялъ на себя
„мой дѣла...“ ¹⁾

Невозможно яснѣе и живописнѣе изобразить различіе между двумя я, живущими въ одномъ человѣкѣ. Одно изъ нихъ, старое, есть очевидно настоящее я, тотъ субъектъ, который никакъ и никогда не можетъ быть объективированъ; другое же, новое я, есть нѣчто совершенно объективное и никакого субъекта въ себѣ не заключающее. Въ здоровомъ человѣкѣ между его двумя я, субъективнымъ и объективнымъ, существуетъ правильная связь, правильное отношеніе; въ больномъ эта связь нарушена,—міръ психическихъ явленій вышелъ изъ законной власти своего центра. Но сущность этого центра и этихъ явленій не измѣнилась: и въ сумасшедшемъ они вполнѣ вѣрны своей природѣ. Вчитываясь въ предидущее описаніе, мы легко можемъ замѣтить, что въ слабыхъ чертахъ самыя отношенія описанныхъ двухъ я повторяются въ душевной жизни каждаго изъ несомнѣнно здоровыхъ душою людей. Очень часто и здоровые

¹⁾ Также статья *Тэна*, стр. 293.

люди дѣйствуютъ *автоматически*, очень часто бываютъ недовольны собою, досадуютъ на собственные слова и дѣйствія, отъ которыхъ не сумѣли или не успѣли удержаться. Мы всѣ бываемъ припуждены наблюдать за собою, всѣ минутами бываемъ противны самимъ себѣ; иногда даже *не узнаемъ себя*, когда психическая жизнь слишкомъ возбуждена или подавлена. Съ каждымъ бываютъ также случаи, когда *справиться съ собою* есть большой трудъ и заслуга. Такъ что, въ большей или меньшей степени, всѣ мы чувствуемъ ту враждебность между двумя я, которая достигла такой чрезмѣрной силы у нашего больного.

VII.

Субъектъ.

Та черта нашей душевной жизни, которую мы называемъ *сознаніемъ*, не есть одно изъ ея явленій, стоящее на ряду съ другими, а есть нѣкоторая общая ея черта, требующая для себя совершенно особеннаго понятія, именно, раздвоенія каждаго явленія на нѣчто объективироваемое и на субъектъ, не подлежащій объективированію. Психологи-эмпирики обыкновенно отрицаютъ сознаніе въ этомъ смыслѣ, отрицаютъ, очевидно, потому, что оно не подводится подъ ихъ обыкновенныя понятія о психическомъ механизмѣ, ассоціаціяхъ и т. д., и требуетъ какого-то выхода за предѣлы составленной ими картины душевной жизни. Но фактъ сознанія говоритъ о себѣ такъ громко, что не всѣ успѣваютъ оглушить себя въ отношеніи къ нему своими теоріями. Какъ доказатель-

ство чрезвычайной ясности этого факта мы приведемъ здѣсь мѣсто изъ Джона Стюарта Милля, тѣмъ болѣе замѣчательное, что этотъ мыслитель съ ранняго дѣтства былъ воспитанъ въ понятіяхъ ассоціаціонной психологіи, постоянно держался этихъ понятій и проводилъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ съ удивительною послѣдовательностію. Но, такъ какъ онъ притомъ отличался и безупречною, истинно философскою добросовѣстностію, то и написалъ слѣдующее:

„Кромѣ наличныхъ чувствованій и возможностей чувствованій, есть еще другой разрядъ явленій, которыя нужно включить въ перечисленіе элементовъ, составляющихъ наше понятіе о душѣ. Нить сознанія, составляющая феноменальную жизнь души, состоитъ не только изъ наличныхъ чувствованій, но также отчасти изъ воспоминаній и ожиданій. А что же это такое? Сами по себѣ это суть нѣкоторыя наличныя чувствованія, нѣкоторыя состоянія сознанія, и въ этомъ отношеніи не отличаются отъ ощущеній. Кромѣ того, они подобны нѣкоторымъ даннымъ ощущеніямъ или чувствованіямъ, испытаннымъ нами въ прежнее время. Но они имѣютъ еще ту особенность, что каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ вѣрованіе во что-то сверхъ ихъ собственнаго существованія въ настоящее время. Всякое ощущеніе заключаетъ въ себѣ лишь вѣрованіе въ такое собственное существованіе; между тѣмъ воспоминаніе ощущенія, даже если оно не относится къ опредѣленному времени, заключаетъ въ себѣ мысль и вѣрованіе, что то ощущеніе, котораго это воспоминаніе есть копія или представленіе, дѣйствительно существовало въ

„прошлое время; точно такъ, ожиданіе заключаетъ въ
 „себѣ вѣрованіе, болѣе или менѣе положительное, что то
 „ощущеніе, или другое какое чувствованіе, къ которому
 „оно относится, будетъ существовать въ будущее время.
 „Явленія, заключающіяся въ этихъ двухъ состояніяхъ
 „сознанія, не могутъ быть и выражены иначе, какъ такъ:
 „вѣрованіе, въ нихъ содержащееся, состоитъ въ томъ, что
 „я самый прежде имѣлъ, или что я самый, а не кто
 „другой, буду потомъ имѣть ощущенія, о которыхъ вспо-
 „минаю, или которыхъ ожидаю. Фактъ, составляющій
 „предметъ вѣрованія, заключается въ томъ, что извѣст-
 „ныя ощущенія нѣкогда дѣйствительно составляли, или
 „будутъ въ послѣдствіи составлять часть того самого ряда
 „состояній или той самой нити сознанія, часть которой
 „въ настоящее время составляютъ воспоминаніе или ожи-
 „даніе этихъ ощущеній. Если, слѣдовательно, мы гово-
 „римъ, что душа есть рядъ чувствованій, то должны по-
 „полнить это положеніе и сказать, что душа есть рядъ
 „чувствованій, знающій о своемъ прошедшемъ и буду-
 „щемъ. Такимъ образомъ, мы приведены къ альтернативѣ:
 „или принять, что душа, или Я, есть нѣчто отличное
 „отъ всякаго ряда чувствованій и ихъ возможностей, или
 „же допустить парадоксъ, что нѣчто, составляющее по
 „предпоженію лишь рядъ чувствованій, можетъ знать о
 „себѣ, какъ о рядѣ.

„Истина въ томъ, что мы здѣсь лицомъ къ лицу съ
 „чѣмъ-то окончательно неизъяснимымъ“... ¹⁾.

1) An examination of Sir William Hamilton's philosophy. Lond.
 1865, p. 212, 213. (3-d ed. 1867. p. 241, 242).

Это признаніе строгаго психолога-эмпирика драгоцѣнно; въ сущности, оно есть признаніе того я, которое никогда не можетъ быть объектомъ, а само составляетъ условіе всякой объективности. Именнo, первоначальный пріемъ всякаго объективированія есть различеніе и расположеніе объектовъ во времени, слѣдовательно, въ нѣкоторый рядъ или нѣкоторую нить. Поэтому, условіе всякаго временнаго ряда заключается въ нѣкоторомъ *безвременномъ* я. Для того, чтобы время было внѣ насъ, мы сами должны поставить себя внѣ времени. Но въ сущности, тотъ же самый процессъ повторяется въ каждомъ, самомъ простомъ, ощущеніи. Мы не сливаемся съ этимъ ощущеніемъ, не поглощаемся имъ, если не теряемъ сознанія, и слѣдовательно, мы ставимъ себя внѣ его. и не только ощущаемъ. но и знаемъ, что ощущаемъ.
